

Особенности имагологической репрезентации в цикле эссе О. Голдсмита «Гражданин мира»

Шубин Константин Ильич

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: kostyashubin43@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности дискурса о национальном в цикле эссе английского писателя О. Голдсмита «Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке» (*Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East*), 1762. В нем Голдсмит живописует картину Англии XVIII в., детально изображая социальную, духовную, политическую сферы английского общества сквозь призму англо-китайского и (имплицитно) англо-ирландского культурного диалога. Анализ данного произведения в имагологическом аспекте позволяет выделить структурные компоненты гетерообраза Англии, представленного с использованием техники остранения, с точки зрения фикционального повествователя, исследовать «национальный текст» эссе в содержательном и жанровом планах, выделить средства создания национального образа и его акцентирования, в частности, при помощи сатирических приемов и аллегии. Также в статье рассматриваются элементы автобиографизма в цикле «Гражданин мира», социально-философские, эстетические и духовные искания О. Голдсмита, повлиявшие на его репрезентацию образа Англии, который, по сути, предстает как имагологический метаобраз. Особенности цикла эссе писателя, установленные в ходе анализа, могут способствовать более глубокому пониманию творчества Голдсмита в целом и его произведения «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» в частности, а материалы исследования могут быть использованы при дальнейших исследованиях по данной теме.

Ключевые слова: Голдсмит, имагологический образ, репрезентация, остранение, аллегория.

Как известно, нации Европы начали формировать представления о собственной идентичности начиная с периода позднего Ренессанса через определение инаковости по отношению к другим. Этот процесс «партикуляризации» национального самосознания был продолжен в XVIII в., о его важности свидетельствует то, что к нему обратились крупнейшие философы эпохи: Д. Вико, Вольтер, Ш. Монтескье, Д. Юм, И. Г. Гердер [4, с. 11]. Среди просветителей, размышлявших о национальном, видное место принадлежит О. Голдсмиту как автору произведения «Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке» (*Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East*), 1762. Эссе, составившие этот цикл, написаны в русле дидактической интерпретации восточной темы, что отражает общую этическую направленность английского Просвещения. С другой стороны, они представляют собой мистификацию ориентальной рецепции образа Англии, необходимую для национальной самоидентификации через сопоставление с восточным «другим». Такого рода опыты, посвященные изображению предполагаемого (воображаемого, «имагинируемого») восприятия восточными цивилизациями реалий Запада, предпринимались неоднократно в конце XVII – XVIII вв.

Сочинение Голдсмита занимает самобытное место в данном ряду. Во многом это обусловлено оригинальным способом издания «Писем» как периодической публикации в журнале *The Public Ledger* («Общественный журнал»). Периодичность издания эссе способствовала их циклизации, выстраиванию логически упорядоченного и единого текста, который организован в том числе на сюжетном уровне. По мысли А. Р. Гейзера, для цикла О. Голдсмита характерна «определенная внутренняя цельность, которая заключается не только в динамике контрастных сцен и обрамляющего сюжета <...>, но и в своеобразном движении, развитии мысли главного персонажа, «автора» писем» [1]. Кроме того, «Гражданин мира» отличается разнообразной жанровой основой, включая в себя практически все выделенные литературоведами [5, с. 133] разновидности английского ориентального жанра XVIII в.: сатирические, моралистические, художественно-медитативные и критические эссе.

Документализм эссе, входящих в цикл, их эпистолярная основа способствовали тому, что они воспринимались читателями как подлинные письма китайца Лянь Чи Альтанчи,

который живет в Лондоне и описывает Англию глазами чужестранца. Все это выгодно отличало письма Голдсмита от иных художественных произведений с восточными мотивами, где главный герой не был свободен, находился под властью восточного правителя. Благодаря периодическому изданию писем, их фактографичности и свободе авторских оценок Голдсмит сумел вызвать большой интерес читательской публики, с которой вступал в доверительный живой диалог [10, с. 143], подобно тому как это делали издатели нравоучительного журнала *Spectator* («Зритель») Дж. Аддисон и Р. Стил. Не случайно письма так серьезно влияли на английское общество, создавая образ не только Англии, но и Китая в национальном сознании англичан [7, с. 73].

Источником вдохновения для Голдсмита послужили «Китайские письма» (1739–1740) маркиза д'Аржана (*Letters chinoises*), «Письма Турецкого шпиона» (1687–1693) Джованни Паоло Мараны (*Letters written by a Turkish spy*), «Персидские письма» (1721) Шарля Монтескье, «Письма перса из Англии к друзьям в Исфагани» Джорджа Литтлтона (1735) (*Letters from a Persian in England to his friends at Ispahan*), сказки «Тысяча и одна ночь» (1704–1717) в переводе Антуана Галлана (*Les Mille et une Nuit: Conte Arabes*), а также «Письма армянина из Ирландии к друзьям в Трапезунде» (1756) (авторство не установлено) (*Letters from an Armenian to his friends at Trabisonde, etc.*) [13, с. 116], «Письмо Ксо Хо, китайского философа в Лондоне, к своему другу Лянь Чи в Пекин» (1757) Хорейса Уолпола (*Letter from Ho He, a Chinese Philosopher at London, to His Friend Lien Chi at Peking*) [13, с. 196], сочинения Вольтера [8, с. 113]. Главными источниками сведений о Китае в «Письмах» Голдсмита послужили «Новые воспоминания о современном состоянии Китая» Луи Ле Конта (*Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Chine*) (1697), «Описания Китайской империи» Жана-Батиста Дюальда (*A Description of the Empire of China*) (1738 и 1741) [13, с. 112] и «Китайские письма» маркиза д'Аржана (*Letters Chinoises*) (1740) [13, с. 113].

Название цикла «Гражданин мира» Голдсмит мог позаимствовать из книги «Космополит, или Гражданин мира» (1750), которую написал француз Луи Шарль Фужере де Монброн [13, с. 189]. Представляется вероятным, что имя китайца Фум Хоум, которому Альтанчжи отправлял письма, возникло под влиянием китайского фольклора [13, с. 190]. Имя китайского философа (Лянь Чи) совпадает с именем одного из персонажей «Писем» Хорейса Уолпола. Возможно, идея для создания «Гражданина мира» возникла у Голдсмита под влиянием упомянутого выше памфлета Х. Уолпола. Голдсмит назвал цикл эссе «Гражданин мира», чтобы показать, что он является сторонним наблюдателем, который глубоко проникает в действительность и может объективно ее описывать [19, с. 99].

Вторую группу источников, оказавших влияние на имагологическую репрезентацию в «Гражданине мира», составили труды, посвященные концептуализации этнотипов, в частности, с позиций категории «климата». Так, О. Голдсмит воспринял взгляды Монтескье, который считал, что климат оказывает влияние на национальный характер, а также позаимствовал у Линнея и Бюффона теорию о том, что климат воздействует на характер людей так же, как на животных [13, с. 61]. Кроме того, писатель опирался на книгу Франсуа Эспирада «Дух наций» (1752). Данное сочинение являлось первым трудом в Европе, в котором всесторонне рассматривался вопрос о влиянии климата на характер нации. Примечательно, что Голдсмит адаптировал перевод «Духа наций» для эссе о взаимосвязи климата и национального характера [13, с. 56].

Под влиянием природных условий, по мнению Голдсмита, сложились такие качества англичан, как гордость, нетерпеливость и особая твердость духа, способность выдержать самые суровые испытания:

"I know of no country where the influence of climate and soil is more visible than in England, the same hidden cause which gives courage to their dogs and cocks, gives also fierceness to their men" [c. 113]. "The vulgar English, therefore, may be easily distinguished from all the rest of the world, by superior pride, impatience, and a peculiar hardness of soul" [c. 114]. "Those miseries, under which any other people in the world would sink, they have often shewed they were capable of enduring" [11, с. 115].

(«Нет другой страны, где влияние почвы и климата проявлялось бы столь явно, как в Англии. Английский простолюдин отличается от себе подобных во всем мире гордостью, нетерпеливостью и особой твердостью духа. Они не раз доказывали, что способны перенести такие невзгоды, которые оказались бы не по силам другим народам») [2, с. 230].

Голдсмит, как и Монтескье, считал, что климат определяет характер нации, детерминирующий особенности политического строя и культуры национального государства. Соответ-

ственно, в «Письмах китайского философа» английское правительство предстает сильным, свободным, устойчивым, «твердым», как и английский характер. Следует сказать, что размышления о влиянии климата являются лишь субъективным мнением писателей, которое не имеет научного подтверждения. Однако образы, созданные на основе данных гипотез, оказывают влияние на восприятие стран друг другом и в настоящее время [16, с. 70]. В данном случае имагология выходит за рамки литературы и вступает в область политики, международных отношений, экономики и др. [7, с. 6].

В своей «климатической» концепции О. Голдсмит во многом расходился с мнением Д. Юма, по мнению которого наибольшее влияние на нравы оказывают не природные условия, а моральные нормы, институции власти [14]. Следует отметить, что Д. Юм допускал влияние климата с точки зрения употребления спиртных напитков и взаимоотношений между мужчиной и женщиной: северные нации более склонны к употреблению алкоголя, а южные наделены более страстным любовным темпераментом. Оригинально мнение Д. Юма относительно национального характера англичан, которые, как он считал, не имеют отличительного национального признака. Философ обосновывал это тем, что на общество оказывают влияние люди, стоящие у власти. А поскольку в Англии в правящих кругах присутствуют аристократия, буржуазные слои, представители различных сословий, то и национальный характер отличается гетерогенностью, соединением разнообразных черт [10].

Это многообразие ярко представлено в «Гражданине мира», повествование в котором ведется от лица китайского философа по имени Лянь Чи Альтанчжи, во многом воплощающего alter ego писателя. Авторская оценка английской действительности в произведении дается также через образ господина в черном, которого встречает рассказчик и который соединяет в себе лучшие качества жителей Альбиона. Этот герой напоминает мистера Берчелла из романа Голдсмита «Векфилдский священник». Кроме того, в «господине в черном» можно различить черты Сидни Картона, персонажа «Повести о двух городах» Диккенса. Как и Сидни Картон, «господин в черном» проникновен, умен, сострадателен, благороден, хотя и старается всеми силами не показывать этого. Он мог бы достичь высокого положения в обществе, но для него многие вещи, которые ценятся большинством, он воспринимает как тщетные и ограниченные, поскольку видит их истинную сущность. Можно сказать, что он не от мира сего. «Господин в черном» находится как бы вне общества и потому имеет возможность наблюдать за ним. Прообразом для данного персонажа послужил сам Голдсмит. Образ «господина в черном» служит для противопоставления добродетели и греха, для более яркого отображения социальных проблем английского общества, для создания контраста между высокими моральными идеалами и порочной жизнью англичан. Таким образом, имагологическая репрезентация осуществляется в двойном аксиологическом фокусе: с одной стороны, с точки зрения воображаемого национального другого, с другой – с позиций наблюдателя, представляющего собственную культуру.

Главным качеством «господина в черном» является сострадание, но именно это свойство своего характера он старается скрыть от окружающих. С помощью данного противопоставления Голдсмит описывает социальные проблемы. Читатель проникается сочувствием к беднякам, симпатизирует «господину в черном», острее ощущает несправедливость законов, глубже погружается в жизнь низших слоев английского общества. Голдсмит пишет о «господине в черном»:

“Though he is generous, even to profusion, he affects to be thought a prodigy of parsimony and prudence ; though his conversation be replete with the most sordid and selfish maxims, his heart is dilated with the most unbounded love” [11, с. 99].

(«Он – человек щедрый до расточительности, но хочет при этом слыть образцом бережливости и благоразумия, речь его пересыпана присловиями, свидетельствующими о своекорыстии и эгоизме, а сердце полно безграничной любви к людям») [2, с. 65].

Вот слова самого «господина в черном»:

“I am surprised at the inactivity of our magistrates, in not taking up such vagrants, who are only a weight upon the industrious: I am surprised that the people are found to relieve them, <...>. Were I to advise any man, for whom I had the least regard, I would caution him by all means not to be imposed upon by their false pretences: let me assure you, sir, they are impostors, every one of them, and rather merit a prison than relief” [11, с. 100].

(«Меня поражает бездеятельность наших мировых судей! Отчего не арестовать бездельников, которые сидят на шее у тружеников? И у этих трутней есть еще защитники! Да

посоветуйся со мной любой сколько-нибудь уважаемый человек, я скажу ему, чтобы прежде всего он не верил лживым рассказам этих попрошаек. Право, сударь, все они обманщики, все до единого, и заслуживают тюрьмы, а не вспомоществования») [2, с. 66].

Суждения «господина в черном» нередко публицистически заострены, они непосредственно выражают идейные ориентации О. Голдсмита, в то время как оценки повествователя даны скорее в резонирующей, нередко ироничной манере, с позиций объективного отстраненного наблюдателя. Лянь Чи Альтанчжи не раз отзывается об англичанах как о здравомыслящих и рассудочных людях. В то же время они очень подвержены суетливости и беспричинному страху, панике. Кроме того, англичане очень доверчивы к слухам, особенно мрачным, предвещающим бедствия. Они не проверяют достоверность известий, но сразу же принимают меры. Размышляют англичане над слухами гораздо позже. Поэтому плоды их необдуманных действий зачастую горьки и комичны.

"The English, however, <...> first act, and, when too late, begin to examine. From a knowledge of this disposition, there are several here who make it their business to frame new reports, at every convenient interval, all tending to denounce ruin both on their contemporaries and their posterity. Thus are they ever rising above one report, only to sink into another. In other countries, those boding politicians would be left to fret over their own schemes alone, and grow sullen without hopes of infecting others" [11, с. 167].

(«Англичане же <...> сначала действуют, а потом с большим опозданием начинают обдумывать. Зная о такой их склонности, некоторые люди избрали себе ремеслом предсказывать гибель как современникам, так и их потомкам. Не успевают люди выбраться из одной новости, как уже тонут в другой. В других странах на таких политических пророков никто бы и внимания не обратил, и они корпели бы над своими новостями в одиночестве и хандрили без малейшей надежды заразить своей хандрой других») [2, с. 260].

Говоря о противоречивости англичан, можно отметить, что они очень услужливы, вежливы, внимательны:

"The Englishman, seeing me shrink from the weather, accosted me thus: "Psha, man, what dost thou shrink at? here, take this coat; I don't want it; I find it no way useful to me; I had as lief be without it" [11, с. 13].

(«Англичанин, заметив, что я дрожу, сразу же сказал: «Послушайте, друг мой, что вы дрожите? Возьмите мой плащ, мне он не нужен... Все равно от него никакого проку, и я прекрасно обойдусь без него») [2, с. 16].

В то же время англичане склонны к лести. Например, при дворе она является обычным явлением и разрослась до такой степени, что китайский философ предлагает ввести специальную должность – наследственный льстец. Также из писем видно, что к лести особенно часто прибегают служители церкви.

"Though no people in the world flatter each other more than the English, I know none who understand the art less, and flatter with such little refinement" [11, с. 182].

(«Хотя я не знаю страны, где бы люди так льстили друг другу, как в Англии, англичане совершенно не знают толка в этом искусстве и льстят на диво неуклюже») [1, с. 268].

Среди пороков англичан повествователь выделяет гордыню и тщеславие, а также чревоугодие, которому они предаются больше всего на выборах и церковных собраниях. Этот порок выступает особенно ярко, когда Голдсмит сравнивает пиршества богачей и обездоленность голодных бедняков. Кроме того, на собраниях обсуждаются совершенно ненужные вещи.

"To say the truth, eating seems to make a grand ingredient in all English parties of zeal, business, or amusement. When a church is to be built, or a hospital endowed, the directors assemble; and instead of consulting upon it, they eat upon it; by which means, the business goes forward with success. When the poor are to be relieved, the officers, appointed to dole out public charity, assemble and eat upon it: nor has it ever been known, that they filled the bellies of the poor till they had previously satisfied their own" [11, с. 189].

(«По правде говоря, на всех английских собраниях – религиозных ли, деловых или увеселительных – еда едва ли не самое важное занятие. Когда закладывается церковь или жертвуют на богадельню, устроители сходятся вовсе не для совещания, а для обильной трапезы, чем немало споспешествуют делу. Когда требуется облегчить нужду бедняков, те, кто распределяет вспомоществование, собираются за столом и едят до отвала. И не было случая, чтобы они накормили бедняков, прежде чем насытились сами») [2, с. 272].

На страницах писем китайского философа осмеиваются представители разных сословий и групп: алчные издатели и книгопродавцы, думающие только о собственной прибыли, а

не о продвижении талантливых писателей, врачи-шарлатаны, судьи, занятые бюрократической волокитой.

В книге имеется несколько писем, внутренне связанных между собой. В них речь идет о несчастьях философов, нелепостях ученых мужей и подверженности англичан сплину. Думается, что существует взаимосвязь между этими явлениями. Как пишет Голдсмит, праздность порождается роскошью. Высшие круги английского общества были подвержены сплину больше всего, поскольку проводили большую часть времени в безделье в своих поместьях или же пытались избавиться от гнетущего чувства печали в вине, танцах, охоте, азартных играх.

"When the men of this country are once turned of thirty, they regularly retire every year, at proper intervals, to lie in of the spleen. The vulgar, unfurnished with the luxurious comforts of the soft cushion, down bed, and easy chair, are obliged, when the fit is on them, to nurse it up by drinking, idleness, and ill-humour. The rich, as they have more sensibility, are operated upon with greater violence by this disorder. In the country, this disorder mostly attacks the fair sex in town it is most unfavourable to the men" [11, с. 108].

(Когда мужчины этой страны достигают тридцати лет, они каждый год уединяются, чтобы предаться сплину. Простолюдины, не располагающие мягкими подушками, пуховиками и покойными креслами, вынуждены лечить свою хандру пьянством, безделием и злостью. Богатые, как более чувствительные, испытывают более сильные приступы этого недуга. В загородных поместьях эта болезнь чаще поражает прекрасный пол, в городах же она особенно опасна для мужчин) [2, с. 228].

По-иному праздность действовала на ученых, ибо они много времени тратили на вещи, которые того не стоят, делали бесосновательные выводы и углублялись в частности, не замечая целого. То же относится и к философам. Они предстают как люди, постоянно погруженные в мрачные раздумья относительно будущего, оторванные от реальных проблем мира. Данное состояние обусловлено праздностью и, кроме того, самомнением и желанием прослыть великим мыслителем.

"It is not enough to engage all the compassion of a philosopher here, that his own globe is harassed with wars, pestilence, or barbarity; he shall grieve for the inhabitants of the moon, if the situation of her imaginary mountains happen to alter; and dread the extinction of the sun, if the spots on his surface happen to increase: one should imagine, that philosophy was introduced to make men happy; but here it serves to make hundreds miserable" [11, с. 117].

(«Здешнему философу, видно, мало печалиться о том, что собственный его мир терзают войны, моровые язвы и варварство, нет, он будет горевать об обитателях Луны, если в расположении ее воображаемых гор обнаружатся изменения, и страшиться угасания солнца, если пятна на его поверхности увеличатся. Казалось бы, философия родилась, дабы делать людей счастливыми, здесь же она делает несчастными тысячи») [2, с. 232].

Китайский философ с иронией отзывается о развлечениях англичан, склонности дам к азартным играм, сетует на то, что у английской публики пользуются большой популярностью клоуны, жонглеры, фокусники, танцоры.

Голдсмит сетует о том, что молодые, обеспеченные люди в Англии тратят свое время и силы впустую. Они могли бы помочь многим, но вместо этого следуют прихотям моды в искусстве и гонятся за славой.

Показательно письмо, в котором автор сравнивает отношение к старшим в Китае и Англии. Если в империи о пожилых людях заботятся и законы направлены на то, чтобы всевозможными способами улучшить их жизнь, то в Англии наоборот. Например, старый ремесленник, у которого все семь сыновей на войне, вынужден влачить жалкое существование.

"Nor far from this city lives a poor tinker, who has educated seven sons, all at this very time in arms and fighting for their country, and what reward do you think has the tinker from the state for such important services? None in the world! his sons, when the war is over, may probably be whipt from parish to parish as vagabonds; and the old man, when past labour, may die a prisoner in some house of correction" [11, с. 33].

(«Неподалеку от Лондона живет бедняк-лудильщик, вырастивший семерых сыновей. Сейчас они все в армии и сражаются за родную страну. Какое же вознаграждение получил этот лудильщик от государства за свою бесценную услугу? Да никакого! А ведь когда война кончится, вполне возможно, что его сыновей будут плетью гнать из прихода в приход, как бродяг, а старик-отец, немощный и хилый, кончит свои дни в исправительном доме») [2, с. 186].

Особое внимание Голдсмит уделяет неимущим. Он показывает, как печальна их участь в Англии, как страдают они от жестокосердия богатых, несправедливости английских законов. Автор использует для эмоционального усиления прием контраста, экспрессивно противопоставляя тщеславие и смирение, богатство и бедность [8, с. 118]. Например, в письме о ночном городе говорится:

"But who are those who make the streets their couch, and find a short repose from wretchedness at the doors of the opulent? These are strangers, wanderers, and orphans, whose circumstances are too humble to expect redress, and whose distresses are too great even for pity. Their wretchedness excites rather horror than pity. Some are without the covering even of rags, and others emaciated with disease. The world has disclaimed them: society turns its back upon their distress, and has given them up to nakedness and hunger. Why, why was I born a man, and yet see the sufferings of wretches I cannot relieve? Poor houseless creatures!" [11, с. 213].

(«Но кто же эти люди, которым улица служит постелью и которые находят краткий отдых от нужды у дверей тех, кто богат? Чужестранцы, бродяги и сироты, чей удел так жалок, что для него нет облегчения, а беды так безмерны, что перед ними сострадание немеет. Их несчастья внушают скорее ужас, а не жалость. Нагота некоторых из них не прикрыта даже лохмотьями, другие – иссушены недугом. Мир отвернулся от них; общество закрыло глаза на их беды и ввергло в объятия нищеты и голода. Зачем я родился человеком, если обречен взирать на страдания несчастных, которым не в силах помочь! Бедные сирые существа!») [2, с. 286].

При этом Лянь Чи Альтанчи восхищается английским государственным строем, который, по его мнению, является самым прочным и одновременно гибким из всех существующих в Европе. Этим он обязан монархии и лояльности в исполнении некоторых законов. Если следовать концепции циклов в развитии государств, то Англия XVIII в. находится в наиболее устойчивом положении.

"In England, from a variety of happy accidents, their constitution is just strong enough, or, if you will, monarchical enough, to permit a relaxation of the severity of laws, and yet those laws still to remain sufficiently strong to govern the people. This is the most perfect state of civil liberty, of which we can form any idea. Here we see a greater number of laws than in any other country; while the people, at the same time, obey only such as are immediately conducive to the interests of society: several are unnoticed; many unknown; some kept to be revived and enforced upon proper occasions; others left to grow obsolete, even without the necessity of abrogation" [11, с. 214].

(«В силу ряда счастливых обстоятельств в Англии государственный строй достаточно прочен или, если угодно, достаточно монархичен, чтобы допустить послабление законов, и все же они сохраняют должную силу и управляют народом. Это, пожалуй, самая совершенная из известных форм гражданских свобод. Хотя законов здесь больше, чем в любой другой стране, народ повинуетя лишь тем из них, которые в данное время более всего нужны обществу. Многие законы ныне не соблюдаются, а иные просто забыты; некоторые сохраняются на случай нужды, другие же постепенно так устаревают, что их и не надо отменять») [2, с. 131].

Письма китайского философа свидетельствуют, что английские законы не лишены милосердия, однако они бывают крайне жестоки и несправедливы, нередко их применяют предвзято.

"Similar to this, there is a spirit of mercy breathes through the laws of England, <...>. <...>, in order to secure the effects of one man, I should make a law which may take away the life of another, in such a case, to attain a smaller good, I am guilty of a greater evil; to secure society in the possession of a bauble, I render a real and valuable possession precarious" [11, с. 65].

(«Английским законам тоже не чужд дух милосердия, <...>. <...>, если ради сбережения имущества одного человека я издал закон, который может отнять жизнь у другого человека, в этом случае я ради достижения ничтожного блага буду повинен в совершении гораздо большего зла; и, дабы общество беспрепятственно владело безделкой, я подвергну страшной опасности истинную драгоценность») [2, с. 204].

Повествователь выражает крайнее несогласие по поводу таких жестоких законов, «глубочайшее сочувствие Голдсмита к простым людям не вызывает ни малейшего сомнения» [3, с. 325]. Демократизм писателя проявился и в других его произведениях, в частности, в романе «Векфилдский священник».

Объектом критики в письмах становится также экспансионистская политика Англии как колониальной державы, обрекающей на страдания захваченные земли.

Голдсмит осуждает войну между Англией и Францией, которая ведется за территории Канады, ибо она основана лишь на прихоти моды, алчности англичан, их стремлении присвоить земли ценой гибели множества людей. Также Голдсмит предупреждает, что колонизация дальних земель ослабит Англию, и потомки не найдут в ней причин для гордости.

В контексте английской колониальной политики может быть рассмотрен и образ Китая в восприятии англичан, собственно «китайский» текст цикла, в который иносказательно, имплицитно вплетена ирландская тема. Лянь Чи Альтанчжи отмечает, что Англия одержима Китаем. В домах знатных людей можно найти китайские вещи, некоторые создают сады в китайском стиле. Синофилия является данью моде и в ней нет глубины, о чем свидетельствует отношение к повествователю-китайцу «знатоков китайского», уверенных в своей эрудиции относительно восточной культуры:

"Dear madam, said I, these, though they may appear fine in your eyes, are but paltry to a Chinese; but, as they are useful utensils, it is proper they should have a place in every apartment. – Useful, sir! replied the lady; sure you mistake; they are of no use in the world. – What! are they not filled with an infusion of tea, as in China? replied I. – Quite empty and useless, upon my honour, sir. – Then they are the most cumbrous and clumsy furniture in the world; as nothing is truly elegant, but what unites use with beauty" [11, с. 49].

(«Сударыня, – вымолвил я, наконец, – они [кувшины], хотя и кажутся вам прекрасными, ничтожны в глазах китайца, но это полезная утварь, которая есть в каждом доме. – Нет, вы заблуждаетесь, сударь, они ни на что не годятся! – Как, неужели они не наполнены чаем, как принято в Китае? – Даю вам слово, сударь, они стоят пустые и совершенно без дела. – В таком случае это самые нелепые и неудобные вещи, какие мне только доводилось видеть, ибо изящны только те предметы, в которых красота сочетается с полезностью») [2, с. 37].

Ко второй половине XVIII в. восточная культура и обычаи становятся своеобразным эталоном поведения в высших слоях английского общества [6, с. 167]. Голдсмит критикует увлечение англичан всем китайским. В этом он близок Дж. Свифту, который негативно относился к увлечению зарубежной модой [13, с. 32]. Заинтересованность Китаем носит очень поверхностный характер. Так, китаец видит сон, в котором он выходит на лед с тележкой, нагруженной китайской этикой. В то же время на льду стоят фургоны с китайскими безделушками, которыми наводнена Англия. Лед выдерживает тяжесть фургонов, но под весом тележки сразу ломается. В «Письмах» Голдсмит часто приводит отрывки из Конфуция, переведенные Ле Конттом. В этом проявляется влияние Лейбница, который видел в конфуцианстве средство к объединению людей и считал китайское общество более цельным и гармоничным с этической точки зрения, чем европейское [13, с. 119]. В одном из писем китайский философ говорит: *"Confucius observes that it is the duty of the learned to unite society more closely, and to persuade men to become citizens of the world; but the authors I refer to, are not only for disuniting society, but kingdoms also" [11, с. 74]* («Конфуций наставляет нас, что долг ученого способствовать объединению общества и превращению людей в граждан мира. Писатели же, о которых я говорю, готовы развредить не только общество, но и целые государства») [2, с. 51]. Или, например, слова Альтанчжи об английском обществе: *"each looks upon his fellow as a rival, not an assistant in the same pursuit" [11, с. 73]* («каждый видит в собрате не соратника, а соперника») [2, с. 50]. В то же время Голдсмит полагал, что заповеди христианства и конфуцианства имеют много общего.

Примечательно, что Голдсмит ни разу не упоминает об Ирландии явно. Для этого он обращается к символическим образам. Некоторые исследователи полагают, что «китайское» является лишь «маскировкой» для прикрытия Ирландии, аллегорической формой изображения ее положения [13, с. 139]. По данному поводу можно сделать уточнение. «Китайское» выступает не столько «маскировкой», сколько средством для более глубокого и полного выражения философии Просвещения, мыслей автора, духовных (христианских) положений. Следует сказать, что перевод на английский язык китайского романа *Hau Kiou Chooan, or, The Pleasing History* (1761) Томаса Перси мог повлиять на выбор Голдсмитом Китая как страны противоположной Англии [13, с. 125].

Имагологическая параллель между Ирландией и Китаем проводится автором через образ восточного сада, противопоставленного регулярным европейским садам. Вслед за архитектором У. Чеймберсом Голдсмит полагал, что сад должен быть живым, поэтичным, близким к природе, подобным тем, что существуют на востоке. Именно эти принципы Голдсмит применил для описания «китайского» сада [13, с. 125] в письме XXXI, в котором можно выделить

несколько аллегорий. Красивая тропинка, которая ведет ко греху, символизирует Ирландию. Некогда она была цветущей страной, но вследствие экспансии Англии была разорена. Кроме того, в письме LXXVI вновь присутствует аллегория, связанная с садом. В данном случае Голдсмит выражает единодушие с Э. Берком, который сравнивал плавные, живые линии сада с красотой, изменчивостью, изяществом фигуры женщины [13, с. 127]. Он называл это *female form* или *maze*. Голдсмит вслед за Берком соединил образы грациозной девушки и прекрасного сада и таким образом аллегорически выразил свое представление об Ирландии.

Следует отметить, что в описании сада присутствует мифологема райского дерева. Над воротами, ведущими к добродетели, возвышается кипарис (дерево мертвых). Образ дерева дополняет восточный фон эссе. Кроме того, он символизирует очищение от греха и появление нового человека.

В своих произведениях Голдсмит не раз обращается к ирландскому поэтическому жанру «эшлинг», в произведениях которого Ирландия представлялась в образе «небесной» женщины, и модифицирует его. Для Голдсмита, как и для Дж. Свифта, характерным было создание образа их родины, захваченной Англией, в виде простой бедной девушки [13, с. 112]. В письме XLVI китайскому философу снится сон, в котором английские знатные дамы смотрят в зеркало и видят свои грехи. Лишь одна скромная крестьянская девушка, символизирующая Ирландию, не имеет пороков. Подобный образ встречается и в поэме «Покинутая деревня».

Через образ китайского философа, через мотив путешествий и образ «чужого» Оливер Голдсмит выражает свой жизненный путь, свою личность, трагизм своей судьбы. Данный аспект творчества Голдсмита исследовал в своих работах Р. Квинтана [20, с. 82–98]. Всю жизнь Голдсмит находился в положении изгоя в различных сообществах (в школе, университете, среди писателей). По этой причине он имел возможность наблюдать за жизнью людей со стороны. Между Голдсмитом и китайским философом много общего. Оба покинули свой дом, путешествовали по разным странам, имели мало близких знакомых в Англии, жили в бедном квартале, занимали невысокое положение в обществе, хотя обладали талантами и умом. Кроме того, оба были гуманистами и проникательными наблюдателями жизни. Ирландец Голдсмит был культурно иным по отношению к английской нации, так же как его *alter ego* Лянь Чи Альтанчжи. Все это предопределило его выбор приема остранения как одного из средств создания образа Англии.

Использование этого приема в «Гражданине мира» во многом схоже с «Персидскими письмами» Монтескье. Китайский философ, как и Узбек, персонаж французского писателя, отправляет письма своему другу в Китай. «Очуждающее» повествование вовлекает читателя в диалог. Европейец, читая письма, которые адресованы представителю восточной культуры, сильнее проникается их ориентальной тематикой [17, с. 139]. Также Узбек находится вне европейского общества и может наблюдать за ним, поскольку он является представителем другой культуры [17, с. 138]. Аналогичные функции в «Гражданине мира» выполняет и Альтанчжи.

В «Письмах» китайский философ часто обращается к восточным сказкам и легендам. С их помощью Голдсмит говорит о важных вещах с юмором и в увлекательной форме [6, с. 197]. Сатирический элемент в книге создается за счет контраста между Китаем и Англией. Также этому способствует двойственная природа китайского философа. Внешне он предстает как китаец (в представлении Голдсмита о том, как должны выглядеть китайцы), но имеет ментальность европейца [18, с. 199]. Данный прием позволяет Голдсмиту с иронией описывать английскую действительность.

Примечательно, что Голдсмит критиковал «шинуазри», но в то же время его «Письма» можно рассматривать как литературное «шинуазри» [18, с. 112]. Следование автора ориентальной моде объясняет популярность цикла среди его современников. Одна из причин, по которой Голдсмит выбрал Китай для противопоставления Англии, заключается в том, что тот представлялся европейцам наиболее развитой восточной страной. Соответственно, китайский путешественник был ближе к англичанам по уровню культуры и поэтому воспринимался английским обществом с большей симпатией и пониманием [13, с. 114].

Таким образом, Голдсмит при создании своих эссе опирался на сочинения выдающихся ученых, писателей, мыслителей своего времени. В частности, он считал, что климат определяет характер нации и политическое устройство государства. Для описания английской действительности Голдсмит использовал прием очуждения. Это позволило ему увидеть проблемы английского общества. Однако Голдсмит не только видит эти проблемы, но и предлагает пути их решения. В духе эпохи Просвещения он обращается к морализации, но делает это по-

лушутя-полусерьезно с помощью восточных сказок, иронии китайского философа. И хотя Голдсмит предстает сторонним наблюдателем, для него важны проблемы англичан, он сопереживает ближним, эмпатически воспринимает их горести и радости [12, с. 212]. Автор создает глубокие, яркие, поэтические образы, в том числе аллегорические, которые насыщены глубоким смысловым содержанием. Через них он говорит о волнующих его вещах, о насущных, острых проблемах своего времени (экспансия Англии, взаимоотношения между Англией и Ирландией). Он рассматривает эти вопросы в завуалированной форме, поскольку личные обстоятельства не позволяют ему говорить открыто. Главные персонажи «Писем» воплощают alter ego писателя (Альтанчжи, «господин в черном»). С их помощью Голдсмит полнее передает дух времени, детальнее и ярче описывает современное ему общество. В этих описаниях он выступает как пророк-иронист, который обличает общество, и как проповедник-иронист, который наставляет людей [15, с. 355]. Китай выбран как страна для противопоставления Англии. На основе этого сравнения Голдсмиту удается критически обозреть английскую действительность, рассмотреть национальные черты англичан. Писатель пытается найти в «чужом» черты собственной нации. Поэтому сквозной линией через письма идет сопоставление христианства и конфуцианства, английских и китайских традиций. В своих эссе Голдсмит охватывает все пласты английского общества, и каждый из них он рассматривает через призму китайской культуры. Это обуславливает имагологическую направленность произведения «Гражданин мира, или Письма Китайского философа» и его значимость для исследователей дискурса о национальном в английской литературе XVIII в.

Список литературы

1. Гейзер А. Р. Восточная тема в английской литературе XVIII века : дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.05. Ленинград, 1984. 186 с. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-literaturoved/vostochnaja-tema-v-anglijskoj-literature-xviii-veka.html>.
2. Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на востоке. М. : Наука, 1974. 334 с.
3. Ингер А. Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII в. // Литературные памятники. М. : Наука, 1974. С. 303–334.
4. Лучинина П. Ю. Восток на «ментальной карте» английских эссеистов XVIII в. Имагологический аспект // Литература Европы: Пространства диалога. Калининград : Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. Вып. 8. С. 118–124.
5. Лучинина П. Ю. К вопросу о типологии английских периодических эссе XVIII в. на ориентальную тему // Вестник Вятского государственного университета, 2012. С. 132–136.
6. Лучинина П. Ю. Поэтика «готического» в английских ориентальных эссе XVIII в. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. Вып. 3. С. 166–169.
7. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
8. Поляков О. Ю. Литературная критика в периодических изданиях Англии 1750-х гг. Киров : ВГГУ, 2003. 182 с.
9. Conant M. P. The Oriental Tale in England in the Eighteenth Century. New York : The Columbia University Press, 1908. 353 p.
10. Eun Kyung Min. China and the Writing of English Literary Modernity 1690–1770. Seoul : Cambridge University Press, 2018. 278 p.
11. Goldsmith O. The Citizen of the World; or Letters from a Chinese Philosopher, residing in London to His Friends in the East. London : W. Wilson, Printer, St. John's Square, 1809. 576 p.
12. Green M. E. Oliver Goldsmith and the Wisdom of the World. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1980. Pp. 202–212.
13. Griffin M. Enlightenment in Ruins: The geographies of Oliver Goldsmith. Lewisburg : Bucknell University Press, 2013. 232 p.
14. Hume D. Essays, Moral, Political, and Literary. Part 1: Of National Characters. URL: <https://david-hume.org/texts/empl1/nc> (дата обращения: 20.10.2022).
15. Knight C. A. Ironic Loneliness: The Case of Goldsmith's Chinaman. Boston : University of Massachusetts, 1983. Pp. 347–364.
16. Leerssen J. T. National Thought in Europe. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. 313 p.
17. Leerssen J. T. Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // Comparative Criticism. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
18. Mengmeng Yan. Foreignness and Selfhood. Reflections of China in Eighteenth-Century English Literature. Durham : Durham University Press, 2018. 222 p.
19. Taylor R. C. Goldsmith as Journalist. Teaneck : Fairleigh Dickinson Univ Press, 1993. 205 p.
20. Quintana R. Oliver Goldsmith: A Georgian Study. New York : Macmillan, 1967. Pp. 82–98.

Features of imagological representation in the series of O. Goldsmith's essay "Citizen of the World"

Shubin Konstantin Ilyich

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: kostyashubin43@gmail.com

Abstract. The article examines the peculiarities of the discourse on the national in the cycle of essays by the English writer O. Goldsmith "A Citizen of the World, or letters from a Chinese philosopher living in London to his friends in the East" (Letters from a Citizen of the World, to His Friends in the East), 1762. In it, Goldsmith paints a picture of eighteenth-century England, depicting in detail the social, spiritual, and political spheres of English society through the prism of Anglo-Chinese and (implicitly) Anglo-Irish cultural dialogue. The analysis of this work in the imagological aspect allows us to identify the structural components of the hetero image of England, presented using the technique of estrangement, from the point of view of a fictional narrator, to explore the "national text" of the essay in terms of content and genre, to highlight the means of creating a national image and accentuating it, in particular, with the help of satirical techniques and allegory. The article also examines the elements of autobiography in the cycle "Citizen of the World", the socio-philosophical, aesthetic and spiritual quest of Fr. Goldsmith, who influenced his representation of the image of England, which, in fact, appears as an imagological meta-image. The features of the writer's essay cycle, established during the analysis, can contribute to a deeper understanding of Goldsmith's work in general and his work "A Citizen of the World, or Letters from a Chinese philosopher living in London to his friends in the East" in particular, and the research materials can be used for further research on this topic.

Keywords: Goldsmith, imagological image, representation, estrangement, allegory.

References

1. Geysler A. R. *Vostochnaya tema v anglijskoj literature XVIII veka : diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.05* [Eastern theme in English literature of the XVIII century : dis. ... PhD in Philology: 10.01.05. Leningrad, 1984. 186 p. Available at: <http://www.dslib.net/sravnit-literaturoved/vostochnaja-tema-v-anglijskoj-literature-xviii-veka.html>.
2. Goldsmith O. *Grazhdanin mira, ili pis'ma kitajskogo filosafo, prozhivayushchego v Londone, svoim druž'yam na vostoke* [Citizen of the World, or letters of a Chinese philosopher living in London to his friends in the East]. M. Nauka (Science). 1974. 334 p.
3. Inger A. G. *Goldsmith-esseist i anglijskaya zhurnalistika XVIII v.* [Goldsmith-essayist and English journalism of the XVIII century] // *Literaturnye pamyatniki – Literary monuments*. M. Nauka (Science). 1974. Pp. 303–334.
4. Luchinina P. Yu. *Vostok na "mental'noj karte" anglijskih esseistov XVIII v. Imagologicheskij aspekt* [The East on the "mental map" of English essayists of the XVIII century. Imagological aspect] // *Literatura Evropy: Prostranstva dialoga – Literature of dialogue: Spaces of dialogue*. Kaliningrad. Herald of the Baltic Federal University n. a. I. Kant. 2014. Is. 8. Pp. 118–124.
5. Luchinina P. Yu. *K voprosu o tipologii anglijskih periodicheskikh esse XVIII v. na oriental'nyu temu* [On the typology of English periodical essays of the XVIII century on the Oriental theme] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2012. Pp. 132–136.
6. Luchinina P. Yu. *Poetika "goticheskogo" v anglijskih oriental'nyh esse XVIII v.* [Poetics of the "Gothic" in English Oriental essays of the XVIII century] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Herald of Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov*. 2014. Is. 3. Pp. 166–169.
7. Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov. Raduga-PRESS. 2013. 162 p.
8. Polyakov O. Yu. *Literaturnaya kritika v periodicheskikh izdaniyah Anglii 1750-h gg.* [Literary criticism in periodicals of England in the 1750s]. Kirov. VSHU. 2003. 182 p.
9. Conant M. P. *The Oriental Tale in England in the Eighteenth Century*. New York : The Columbia University Press, 1908. 353 p.
10. Eun Kyung Min. *China and the Writing of English Literary Modernity 1690–1770*. Seoul : Cambridge University Press, 2018. 278 p.
11. Goldsmith O. *The Citizen of the World; or Letters from a Chinese Philosopher, residing in London to His Friends in the East*. London : W. Wilson, Printer, St. John's Square, 1809. 576 p.
12. Green M. E. *Oliver Goldsmith and the Wisdom of the World*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1980. Pp. 202–212.
13. Griffin M. *Enlightenment in Ruins: The geographies of Oliver Goldsmith*. Lewisburg : Bucknell University Press, 2013. 232 p.
14. Hume D. *Essays, Moral, Political, and Literary. Part 1: Of National Characters*. Available at: <https://davidhume.org/texts/empl1/nc> (date accessed: 20.10.2022).

15. *Knight C. A.* Ironic Loneliness: The Case of Goldsmith's Chinaman. Boston : University of Massachusetts, 1983. Pp. 347–364.
16. *Leerssen J. T.* National Thought in Europe. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2006. 313 p.
17. *Leerssen J. T.* Montesquieu's corresponding images: cultural and sexual alterity in pseudo-oriental letters // *Comparative Criticism*. Amsterdam : Amsterdam University Press, 1987. Vol. 9. Pp. 135–154.
18. *Mengmeng Yan.* Foreignness and Selfhood. Reflections of China in Eighteenth-Century English Literature. Durham : Durham University Press, 2018. 222 p.
19. *Taylor R. C.* Goldsmith as Journalist. Teaneck : Fairleigh Dickinson Univ Press, 1993. 205 p.
20. *Quintana R.* Oliver Goldsmith: A Georgian Study. New York : Macmillan, 1967. Pp. 82–98.